

юности в повести «Кадеты», Куприн с болью признавался: «...воспоминание о розгах в кадетском корпусе осталось у меня на всю жизнь». В 1888 году Куприн поступает в Московское Александровское военное училище, из которого через два года выходит в чине поручика. Место его службы — 46-й пехотный Днепровский полк, квартировавший в заштатных городках Подольской губернии. Молодой человек с головой окунается в атмосферу сплетен, пьянства, интрижек, невежества, бесцветного, пошлого существования. В это время созревает твердое убеждение серьезно заняться литературой. После долгих колебаний Куприн в 1894 году выходит в отставку, имея в кармане, по свидетельству своего биографа Ф. Д. Батюшкова, всего четыре рубля. В целях приработка начинающий писатель освоил десятки профессий, исколесил пол-России. Он изучал зубо врачебное дело, был заведующим учетом кузнечной мастерской (1892), открывал свой цирк (1896), был управляющим имением (1897), актером бродячей театральной труппы (1899), занимался всеми видами газетного дела. Впечатления и знание жизни, приобретенные в это время, составили основу творчества художника и, в конечном счете, принесли ему всероссийскую известность.

Куприн отважно преодолевал сложности жизни. Не удивительно, что он возлагал большие надежды на волевою сознательную личность, способную противостоять диссонансам действительности. По мнению писателя, «истинная история нашей культуры — история, основанная на том, что человек... вместо того чтобы в развитии своих бесконечных сил пойти по пути, достойному вселюбящего и прекрасного Бога, пошел по пути нищего» («О Нищих», 1910). Выход из столь мучительного положения состоит в развитии людьми их внутренних светлых потенций, о чем художник вдохновенно говорил всем своим творчеством.

Критикуя беллетриста А. Каменского, Куприн наметил ценное для себя начало человеческой личности: «Мое «я» требует полного расширения всего богатства моих чувств и мыслей... «Я» же Каменского заключается в том, что все позволено и, стало быть, можно для личного удобства или сочного куса бифштекса ограбить, оклеветать и сморкнуться тайно в чужой платок. Вот две ступеньки градации разных «я». Победит первое и победит — кроме крайних случаев — вовсе не во вред, а в пользу человечеству. Но этим не надо задаваться — оно само собою выйдет» (письмо Ф. Д. Батюшкову от 8 января 1907 года). Отсюда логически вытекало главное направление творческого поиска Куприна: «Меня влечет к героическим сюжетам. Нужно писать не о том, как люди обнищали духом и опощлели, а о торжестве человека, о силе и власти его» («Интервью», 1913).

В своем неприятии «машинной» антидуховной цивилизации, в стремлении открыть людям внутренние возможности их нравственного подъема Куприн опирался на достижения трех своих кумиров: Пушкина, Льва Толстого, Чехова. О Толстом, в частности, сказано: «Он говорил нам, недоверчивым и скупым, о том, что каждый человек может быть добрым, сострадательным, интересным и красивым душой. И всей бесконечной прелестью своего художественного гения он точно сказал нам: «Смотрите, как лучезарно прекрасен и как велик человек». Именно этот подход к текущей жизни — проникновение за пределы внешних примет к глубинным ее богатствам — избрал для себя Куприн.

Среди ранних его рассказов есть такие, где торжествует самоотверженное чувство («Лолли», «Alles», «Олеся») или утонченное влечение к Прекрасному («Сентиментальный роман», «Осенние цветы»). И все же гораздо больше произведений, передающих угасание или гибель гуманных ценностей в мрачной, противоречивой атмосфере («К славе», «Погибшая сила», «Святая любовь»).

Писатель тяготел к обычным, даже обыденным ситуациям. Но в них, вслед за автором, читатель видел воистину устрашающие явления: обезличивание человека, опустошение души, обнищание разума. Умение распознать в простейшем трагическое роднило Чехова и Куприна, сближало и их позитивные наблюдения.

Везде, даже в ограниченном, заблудшем человеке, Куприн раскрывал природные, «вытесненные» порочным миропорядком возможности. И верил в нравственное мужание личности. В целом ряде повествований герой освобождался от примитивных взглядов, в нем неожиданно пробуждались совесть, тяга к самопознанию, чем и определялось большинство психологических коллизий, разнообразно воплощенных Куприным. Существует некая внутренняя перекличка между персонажами множества рассказов 90-х годов («Дознание», 1894; «Прапорщик армейский», 1897; «Ночлег», 1895; «Поход», 1901) и героями крупных произведений: инженером Бобровым («Молох», 1896), Сердюковым («Болото», 1902), подпоручиком Ромашовым («Поединок», 1905). Всюду выразительно запечатлен переломный малый период или даже момент в судьбе человека, обнаруживающий его способность к сильному чувству, мудрой мысли и критической самооценке.